

ЗАГАДКА МАКИАВЕЛЛИ

An utterly contradictory construction of the personality and theory of the famous Florentine politician and thinker, the founder of the political science of the modern age engendered "the Machiavelli's riddle". The author offers his own interpretation of that riddle and attempts its explanation.

Українське суперечливе трактування особистості і вчення знаменитого флорентійського політика і мислителя, засновника політичної науки Нового часу породило «загадку Макиавеллі». У статті дано авторську інтерпретацію цієї проблеми і спроба її пояснення.

**«Единственная проблема, которая,
может быть, никогда не разрешится, -
это
проблема Макиавелли».**

Б. Кроче

Обычно о макиавеллизме мы узнаем раньше, чем успеваем познакомиться с текстами самого Никколо Макиавелли и прежде всего с его «Государем». нас подготавливают к чтению этого трактата. «Оправдание аморальной политики»... «все средства хороши» и т.п. Реклама «Государю» сделана будь здоров! Когда я впервые прочитал эту маленькую книжицу, то вместо обещанного шока испытал настоящее разочарование. Что такого написал Макиавелли, чтобы ужаснуться человеку XX-го столетия – века, который продемонстрировал широкий спектр «возможностей» – от геноцида в мировых войнах до «научных» экспериментов по скрещиванию человека с обезьяной и собакой?

Когда я читаю, что Макиавелли заслужил «репутацию проныры» (Кевин Молони) или был циником, не озабоченным моральными ограничениями, то я могу с этим не соглашаться, но мне, по крайней мере, *понятны* такие характеристики. Однако, сколько бы я не вчитывался в

текст «Государя», я отказываюсь верить в «способность [Макиавелли] внушать ужас», «вызывать шок» (Джордж Булл), «потрясать» и т. п. [1, 46, 57, 203].

С другой стороны, не могут люди веками лицемерно притворяться, изображая ужас от советов и рекомендаций автора «Государя». И какие люди! Здесь есть какая-то загадка. Загадка личности Макиавелли или его учения? И можно ли вообще ее разгадать?

Я специально обращаю внимание на специфику моей постановки вопроса о «загадке Макиавелли». Меня интересуют не все интерпретации взглядов флорентийца, а только такие, в которых содержатся попытки найти объяснение *необъяснимого впечатления* потрясения от чтения его «Государя». Итак, под «загадкой Макиавелли» я понимаю эффект шока, ужаса, потрясения, которые принято связывать с впечатлением от текста «Государя».

Сформулированный таким образом вопрос позволяет отмести большое количество ответов на «загадку Макиавелли». Скажем, авторы, которые называют макиавеллизм «гнусным», могут испытывать к нему отвращение, презрение и т.п., но не ужас. Ниже я привожу ряд приемлемых для моей интерпретации «загадки Макиавелли» ответов, чтобы затем в авторском комментарии прийти к собственному заключению на этот счет.

* * *

Крупнейший французский философ XX-го столетия Морис Мерло-Понти (1908-1961), автор очерка «Заметки о Макиавелли» (1949), позитивно оценивал вклад в политическую мысль флорентийца и считал, что заслуга Макиавелли заключается в том, что он исследовал положение человека, находящегося внутри политики. Это положение следует сформулировать как *проблему власти*. Мерло-Понти пишет: «Между властью и ее подданными, между я и «другими» не может не быть противостояния. Надо либо испытывать принуждение, либо самому принуждать. Коллективная жизнь – это ад» [2, 205]. Власть *никогда* не бывает *абсолютно* легитимной в глазах подвластных. Она должна доказывать им свое *право*. Выходит, власть есть временное состояние консенсуса, достигнутое в каждый данный момент между властью имущими и подданными, находящимися в состоянии перманентного противостояния. Такой образ власти способен отпугнуть от нее кого угодно и ввести в мрачный пессимизм самих властвующих.

Следующий важный тезис, который Мерло-Понти выдвинул в своем очерке, касается реализма в политике. Цитирую: «Главное, что мы находим у Макиавелли, это мысль о том, что история есть борьба и что политика соотносится скорее с людьми, чем с принципами». И ниже: «Совершенно очевидно, что недостаточно знать, какие принципы мы выбираем; необходимо иметь представление о том, какие силы, какие люди будут воплощать их в жизнь» [2, 216, 217]. Что ж, в справедливости этой мысли нас лучше Макиавелли убеждают «собственные» политики.

Эта мысль обоюдоострая, она полезна и для тех, и для других. Например, люди власти должны из нее сделать вывод, что никакая добродетель в политике не является абсолютной. Нет ни одного принципа, которого Власти следовало бы придерживаться во что бы то ни стало и которым, следовательно, нельзя пожертвовать, если к тому склоняет обстановка. По мнению М. Мерло-Понти, «лучше» других в этом аспекте показали себя либеральные режимы, которые неоднократно разменивали свои благородные принципы на политическую целесообразность, то есть делали из них орудия угнетения [2, 216].

В целом от этих рассуждений веет цинизмом и безысходностью. И в этой связи кто-то особо впечатлительный может испытать страх и ужасно рассердиться на того, *кто* создает подобную картину политической жизни.

Известный российский политолог и политический писатель *Ф.М. Бурлацкий* считает, что против Макиавелли ополчились потому, что он посмел лишить Власть ее сакрального авторитета в глазах народа, он сказал о ней обнаженную, жестокую, невыносимую правду. «...вот где был идеологический гранит, быть может, даже более твердокаменный, чем учение о Земле как центре мироздания», - отмечает он [3, 201]. Именно представители церкви и монархической власти стоят у истоков нападков на личность и учение флорентийского советника. Бурлацкий предложил очень важную вещь: разграничить *макиавеллизм как миф о Макиавелли* и личность его самого, к производству мифа отношение не имеющую.

Вместе с тем *Ф.М. Бурлацкий* полагает, что споры вокруг имени Макиавелли вызваны противоречивостью его идейного наследия. Так, он пишет о «растроении» авторского «Я» мыслителя: с одной стороны, он – безжалостный исследователь анатомии политики, вскрывающий ложь ее официальной идеологии; с другой – «тщится узаконить реально существующие нормы политической жизни»; с третьей – выступает проповедником определенных морально-политических ценностей, таких как патриотизм, народное благо, национальное единство [4, 238].

Бурлацкий стремится подойти к разгадке личности Макиавелли и макиавеллизма с позиций историзма, поставив его творчество в тесную связь с эпохой, нравственными и политическими ценностями того времени. Действительно, погрузившись во время Макиавелли, в среду его «обитания», можно глубже понять и оценить «странность» личности Макиавелли, но загадку макиавеллизма, увы, разгадать нельзя. Ведь ей как-никак пять с лишним веков. В иные, уже далекие от Ренессанса времена, когда феномен Власти был фундаментально просвечен целым рядом наук, которые подтвердили многое из того, о чем поведал Макиавелли, миф о нем почему-то не был забыт, не развеян, наоборот, оброс новыми интерпретациями.

Известнейший британский политический философ, кстати, выходец из России, сэр *Исайя Бёрлин* (1909-1997) в 1972 г. написал большое эссе под названием «Оригинальность Макиавелли», в котором он сделал попытку ответить на вопрос: почему «сочинения Макиавелли, а особенно "Государь",

возмущали и возмущают человечество глубже и продолжительнее, чем какой-либо другой политический трактат» [5, 177]. Его ответ таков: причина скандала не в том, что Макиавелли якобы открыл мир политики как силовой игры, в которой «игроки» используют весь арсенал подручных средств, лишь бы удержать за собой власть. Нет, людей смутило другое: Никколонеумышленно «организовал» конфликт двух систем ценностей, двух нравственных миров. Читая античных авторов и сравнивая их политическую реальность и дух с современностью, он пришел к выводу, что язычество воспитывало в людях высокие гражданские добродетели, дух жертвенности во имя государственного процветания и величия. Христианство, наоборот, отворачивает людей от проблем государства. Оно является неполитической религией.

Судя по всему, сам Макиавелли по поводу конфликта ценностей никакого беспокойства не испытывал, но он недвусмысленно предупредил тех, кто захочет хранить в душе христианский идеал и одновременно практиковать управление людьми, что их ожидает неминуемое фиаско, ибо компромиссы в сфере принципов никогда до добра не доводят. «Выбор в пользу христианской морали означает политическое бессилие: вас будут использовать и подавлять сильные, умные, честолюбивые, беспринципные люди...» [6, 153].

На самом деле Макиавелли не противопоставляет мораль и политику; он противопоставляет *политическую этику*, управляющую судьбами государств и государей, другой концепции этики, управляющей судьбами людей как частных лиц. «Ценности Макиавелли не христианские, но моральные» [6, 150], - подчеркивает И. Бёрлин, не соглашаясь с утверждениями Б. Кроче и других многочисленных исследователей, что Макиавелли якобы избавил политику от морали вообще.

Макиавелли показал людям наличие разных перспектив и разных образов жизни, основанных на разных системах ценностей. Это предполагает нелегкий выбор. «Можно заботиться о спасении души, можно создавать великое и славное государство, оборонять его или ему служить, но нельзя заниматься и тем и другим одновременно» [6, 156].

Если Макиавелли прав, то жизнь политиков, государственных деятелей не совместима с христианским образом жизни. А такой вывод, согласитесь, способен был настроить против него не только теологов, но и правителей, ибо подводил к выводу, что все они лицемеры и клятвопреступники. Выходит, Макиавелли «пустил под откос» репутации всех государей, которые в христианском мире признаны «великими», «святыми», «справедливыми» и «милосердными». На самом деле за натянутыми на них посмертно

христианскими масками скрывались ловкие, хитрые, коварные, жестокие политики.

На совести Макиавелли есть грех и пострашнее, думает *Л. М. Баткин*, известный российский культуролог, специалист по итальянскому Возрождению, исследующий темы европейского гуманизма и зарождения индивидуализма. Он пишет: ««Безнравственность» трактата о Государе (отчасти мнимая, отчасти и действительная) бросается в глаза потому, что Макьявелли с величайшей радикальностью поставил основную проблему нравственности: об ее источнике. <...> Никакая мораль не терпит вопросов о своем происхождении. Это страшная непристойность и грех: вроде того, что случилось с сыновьями Ноя» [7, 796]. И ниже, спустя несколько абзацев, для усиления тезиса повторяет: «Читая «Государя», мы присутствуем при родах нравственности как человеческого решения. Они греховны, и грязны, и мучительны» [7, 796].

Если убрать с этих слов налет преувеличения (имеются сотни сочинений по этике, авторы которых толкуют вопрос о происхождении морали в спокойной научной манере) и посмотреть на ситуацию сквозь призму острого культурного конфликта между столкнувшимися эпохами, то в этом случае можно сказать, что Л. Баткин нащупал болевой нерв. Он констатирует: «Макьявелли – один из тех людей, которые разрушили феодально-средневековую и конфессиональную культуру» [8, 63-64].

В самом деле, в догматике средневекового мировоззрения мораль представлялась *предзаданной*, единственной в своей абсолютности, ибо источником ее норм являются заповеди самого Бога. Человеку остается только «вписаться» в ее четкие нормы. Можно себе представить смущение людей церкви и просто «добрых христиан», которым показывают на примерах из политики, что мораль вовсе не абсолютна, что она характеризуется диалектической противоречивостью: доброта может породить зло, а жестокость может служить справедливости. Но, самое страшное, человек сам себе дерзает формировать систему ценностей, чтобы прилагать ее к внешнему миру. Это самое настоящее восстание против Бога! И смущение сменяется возмущением и инвективами. Мстительность защитников и практиков Старого порядка можно понять: Макиавелли дал им законное основание для острого неприятия своей политической науки.

Если верно то, что в европейской истории, по крайней мере Нового времени, осуществляется идея индивидуальной свободы, то Макиавелли находится у самого истока реализации этого «проекта». В своей модели «идеального государя» он открывает новый, невиданный ранее горизонт свободы: политик сам формулирует себе цели и выбирает средства их достижения. При этом он берет полную нравственную ответственность за свой выбор и последующие действия. Здесь, как совершенно верно отмечает Баткин,

угадывается *декартовский поворот мысли*: «ничто не дано готовым, не положено до моего мышления и моего решения. Даже сам факт моего существования» [7, 795].

В заключении приведу еще две точки зрения современных специалистов. Видный российский социолог *Ю. Н. Давыдов* в публикации 2001 г. выразил свой взгляд на «ужасного Макиавелли», назвав его «воинствующим политологом», «родоначальником процесса «деэтизации» обществоведения» [9, 170, 171]. Эта тенденция очищения социальной науки от этики набрала силу и получила самое радикальное, какое только можно представить, выражение в марксизме, который, как известно, взяли «на вооружение» большевики. Не думаю, что это верный ход: сделать ответственным за действия исторических большевиков или неолевых из группы Е. Гайдара человека из эпохи Возрождения.

Е.П. Никитин и А.Г. Никитина полагают, что проблема заключается не в человеке Макиавелли, как бы кому-то его личность была неприятна, а в макиавеллизме, под которым эти авторы понимают *«политизм - идеологическую концепцию, призванную оправдывать политику как форму специализированной духовной деятельности, доказывать ее право на автономное существование и функционирование»* [10, 47; Курсив Никитиных. – Г.Г.]. Развивая этот тезис, они пишут, что Макиавелли «совершил великое открытие и не менее великий грех». Он обнаружил объективную тенденцию к автономизации политики, ее освобождению из-под контроля религии и морали. Его тяжелейший грех в том, что он не только не призвал политиков оказать самое решительное сопротивление этой тенденции, а, напротив, посчитал это нормой политической жизни.

Таков ответ Никитиных. Он близок к тому, о чем говорит Ю.Н. Давыдов. Автономизация предшествует рационализации или, точнее сказать, является первым ее шагом. Рационализация политики делает «излишней» совесть, а мораль сводится к политкорректности. С этим можно согласиться, только на искомый ответ рассуждения этих авторов «не тянут».

* * *

В известной пьесе-сказке Евгения Шварца тень отделилась от своего хозяина, кстати, Ученого, и стала претендовать на власть. Более того, она попыталась сделать Ученого своей тенью. В том мире, где правят тени, все наоборот: добро становится злом, любовь используется для обретения власти. Люди покоряются теням, и те вырастают.

Мой ответ таков: ни «демоническая» личность Макиавелли, ни теоретический макиавеллизм (идеология оправдания «чистой политики», «политики силы», культа государства), ни практическая политика макиавеллистов не имеют прямого отношения к «загадке Макиавелли» и, следовательно, не могут претендовать на ее разгадку. Ужас и шок от текста «Государя» могут испытывать только те люди, которые находятся во власти *черного мифа* о Макиавелли, отделившейся от него Тени.

Впервые этот миф был создан и внедрен в общественное сознание в политическом противоборстве в ситуации цивилизационного конфликта средневековых и новобуржуазных ценностей. Конечно, между теоретическим макиавеллизмом и макиавеллистским мифом есть связи, ведь миф питается достоверными фактами и вполне рациональными оценками как

материалами для создания из них мифологических (идеологических) образов. Тень стремится эксплуатировать своего Хозяина и всегда бродит рядом с ним.

Чему мы больше обязаны устойчивому интересу к Макиавелли – его Личности или его Тени? Мой ответ: его Тени. Миф о Макиавелли – главный политический миф. Подобно космической «черной дыре», он может втянуть в свое пространство все содержание политики, включая ее социологические и психологические аспекты. Это даже не миф, а некая мифологема, который позволяет сконструировать сколько угодно политически актуальных мифов.

Б. Муссолини написал диссертацию о Макиавелли, о Ницше высоко отзывался Гитлер. Маркс и Ленин, сами создавшие идеологию борьбы с буржуазным миром, осознавались Западом как его заклятые враги. Все они действительно были макиавеллистами в политике и теории, но лишь после переработки их образов и учений в духе идеологической мифологии они были демонизированы и представлены обывателю как враги рода человеческого.

В сказке Тень Ученого самостоятельно просуществовала недолго, в жизни Тень Макиавелли оказалась чрезвычайно живучей. Это находит свое объяснение, во-первых, в том, что этот миф очень правдоподобно отражает мир политического, и, во-вторых, что он стал удобной, универсальной формой для выражения политических конфликтов и идеологической критики своих политических оппонентов в разные эпохи и обстоятельства. Можно с уверенностью утверждать, что это один из самых удачных политических мифов, и своей небывалой, хотя и своеобразной популярности и устойчивости он обязан тем, что находится в постоянном развитии, обрастая ответвлениями, новыми подробностями из идеологической жизни людей, партий, народов, государств.

Исторический облик Макиавелли до сих пор не разгадан и не уловим, потому что, извините за каламбур, никто его не ловит. Современный теоретический макиавеллизм интересуется не текстом, а контекстом «Государя», находя в нем методологические зацепки для инструментального анализа современного политического процесса.

По словам К. Молони, «Макиавелли потряс либеральное сознание, вскрыв внутренний механизм политического процесса: он гораздо отвратительнее, чем предлагаемый величественный конституционный внешний вид»[1, 203]. Иллюстрируя эту мысль, следует сказать, что люди, входящие в политический класс, по разным причинам имеют веские основания для борьбы с жупелом Макиавелли. Пользуя науку Макиавелли, они внешне отрекаются от него. Афоризмы в макиавеллиевском духе вроде «Какой смысл лгать, если того же результата можно добиться, тщательно дозируя правду?» (У. Форстер) неприятно поражают всякого искренне верящего в свободу слова и другие ценности демократии. Но особенно разоблачительна для современных «слуг народа» правда о том, что люди идут в политику ради власти. Действующий политик из кожи вон лезет, чтобы доказать свою приверженность общественному благу и тем самым отвести обвинение в страшном грехе властолюбия.

На современном политическом рынке больше всего ценятся такие добродетели, как «добропорядочность», «неподкупность», «принципиальность», «верность принципам», «правдивость». Чтобы «соответствовать», политики становятся клиентами другого рынка – политологического, который функционирует по правилам политического менеджмента, а его «отцом» признают того же Макиавелли. Одно из его правил хорошо передано в афоризме Ежи Леца: «Творите о себе мифы. Боги начинали только так».

Поистине верно заметил Мартин Стивен, что реакция общества на фигуру Макиавелли раскрывает лицемерие этого общества, а не самой фигуры [1, 243]. А лицемерие в современной политике представляет собой форму вежливости. Поэтому следует признать, как ни печально для романтических натур, что Макиавелли нужен современному политическому сообществу во всех своих ипостасях – и как наставник, и как жупел. Макиавелли и его Тень – партнеры.

* * *

«Загадка Макиавелли» манит своей неразрешимостью. Есть мнение, что загадки подобного рода и не предназначены для однозначного решения. Никто не в силах выскочить из своего времени, но зато можно стать «человеком для всех времен». Так назвал Эразм Роттердамский своего друга Томаса Мора. Таким человеком *является* и Никколо Макиавелли. «Человек для всех времен» – тот, кто сумел поставить вопросы, сформулировать антиномии, задевающие людей всех времен. И ответы на эти вопросы и антиномии даются в разные времена свои. Эти ответы позволяют обществу завязать культурные узлы, которыми крепится его коллективное сознание к стволу Истории.

Л и т е р а т у р а

1. Макиавелли, маркетинг и менеджмент. – Под ред. Ф. Харриса, Э. Лока и П. Рис. – СПб.: Питер, 2004. – 272 с.
2. Мерло-Понти М. Заметки о Макиавелли // В защиту философии. – М.: Изд-во гуманитарной литературы. – С. 205-221.
3. Бурлацкий Ф.М. Загадка и урок Никколо Макиавелли. – М.: Молодая гвардия, 1977. – 256 с.
4. Бурлацкий Ф. Никколо Макиавелли. Советник государя. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. – 448 с.
5. Бёрлин И. Оригинальность Макиавелли // Человек. – 2001. - №5. – С. 163-185.
6. Бёрлин И. Оригинальность Макиавелли // Человек. – 2001. - №4. – С. 147-164.
7. Баткин Л.М. Европейский человек наедине с собой. Очерки о культурно-исторических основаниях и пределах личного самосознания. – М.: Российск. гос. гуман. ун-т, 2000. – 1005 с.
8. Баткин Л.М. Макиавелли // Макиавелли в России: восприятие на рубеже веков. – М.: Рудомино, 1996. – С. 47-78.
9. Давыдов Ю.Н. Макиавеллизм и дегуманизация социальной философии (К истории обособления политологии от гуманитарного знания) // Наукоеведение. – 2001. - №3. – С. 166 – 188.
10. Никитин Е.П., Никитина А.Г. Загадка «Государя» (политизм как идеология политики) // Вопросы философии. – 1997. - №1. - С. 43 - 55.

Статья опубликована на русском языке в: Наукові праці: Науково-методичний журнал. – Т. 47. – Вип. 34: Політичні науки. – Миколаїв: Вид-во МДГУ ім. П. Могилы, 2006. – С. 119-123.